

DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-132-139

EDN: WTZPFL

**ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
МЕЖДУ “ДРУЖБОЙ” И “НЕДРУЖБОЙ”
(Круглый стол Центра Азиатско-Тихоокеанских
исследований ИМЭМО РАН)*
(Часть вторая)**

© 2023 г.

Материал поступил 02.11.2022. Принят к печати 16.01.2023.

Аннотация. Редакция публикует краткий отчет о круглом столе, проведенном в Центре Азиатско-Тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН и посвященном новым явлениям в системе международных отношений в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), в политике расположенных в нем государств. Резкое усиление уровня конфронтации в различных регионах мира в течение прошедшего года приводит к усилению значимости в системе международных отношений, во внешней политике государств таких категорий, как “дружественность” и “недружественность” по отношению к другим странам. Эти явления затронули и Индо-Тихоокеанский регион, ныне играющий ключевую роль в мировой политике и экономике, в котором происходят сложные и подчас разнонаправленные процессы реструктуризации политического пространства, реформирования экономических, военных и политических отношений между государствами. В данном контексте представляется актуальным анализ влияния факторов “дружбы”/“недружбы” на формирование основных “осей” сближения и противостояния в регионе, новых блоков и коалиций. Важной самостоятельной исследовательской задачей становится и определение нового позиционирования России в ИТР с учетом отмеченных факторов. Эти и другие тесно связанные с ними вопросы и явились объектом дискуссии на круглом столе, состоявшемся в конце октября 2022 г. При этом участники дискуссии сосредоточили внимание на анализе политики не всех стран региона, а преимущественно государств Тихоокеанской Азии (ТА), Индии и Южной Азии. В дискуссии приняли участие: **К.Р. Вода**, к.полит.н., в.н.с. ИМЭМО РАН; **Л.А. Гамза**, к.э.н., с.н.с. ИМЭМО РАН; **О.В. Давыдов**, посол по чрезвычайным поручениям в отставке, с.н.с. ИМЭМО РАН; **Е.А. Канав**, д.и.н., профессор НИУ ВШЭ; **А.Н. Карнеев**, к.и.н., профессор НИУ ВШЭ; **А.В. Куприянов**, рук. группы ИМЭМО РАН; **В.Л. Ларин**, академик РАН, зам. председателя президиума ДВО РАН; **А.В. Ломанов**, д.и.н., зам. директора ИМЭМО РАН; **С.А. Луконин**, к.э.н., зав. сектором ИМЭМО РАН; **В.В. Михеев**, академик РАН, член дирекции ИМЭМО РАН; **В.В. Сумский**, д.и.н., гл.н.с. ИМЭМО РАН; **М.А. Терских**, к.полит.н., н.с. ИМЭМО РАН; **В.Г. Швыдко**, к.э.н., рук. группы ИМЭМО РАН.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, “дружба”/“недружба”, Китай, Япония, Индия, Республика Корея, КНДР, АСЕАН, Вьетнам, Россия.

**INDO-PACIFIC REGION:
BETWEEN “FRIENDSHIP” AND “UNFRIENDLINESS”
(Round Table at the Center for Asia Pacific Studies of IMEMO)
(Part II)**

Received 02.11.2022. Accepted 16.01.2023.

Abstract. The Editorial Board publishes a brief report on the round table at the Center for Asia Pacific Studies of IMEMO on new phenomena in the system of international relations in the Indo-Pacific Region (IPR) and in the policies of the states located there. The sharp increase in the level of confrontation in different regions of the world over the past year leads to increased importance in the system of international relations, in the foreign policy of states of such categories as “friendliness” and “unfriendliness” in relation to other countries. These phenomena have also affected the Indo-Pacific region, which now plays a key role in world politics and economy, where complicated and sometimes multidirectional processes of restructuring the political space, reformatting economic, military and political relations between states are taking place. In this context, it seems relevant to analyze the influence of the factors of “friendship” –

* Окончание. Начало см. в № 3, 2023.

”unfriendliness” on the formation of the main “axes” of rapprochement and confrontation in the region, new blocs and coalitions. The determination of Russia’s new positioning in the ITR taking into account the factors mentioned above also becomes an important independent research task. These and other closely related issues were the object of discussion at the round table held by the Center for Asia Pacific Studies of IMEMO in late October 2022. At the same time the discussion participants focused on the analysis of policies not of all countries in the region, but mainly of the Pacific Asia (PA) and India and South Asia. The panelists were **K.R. Voda**, Cand. Sci. (Polit.), Scientific Secretary of IMEMO; **L.A. Gamza**, Cand. Sci. (Econ.), senior researcher at IMEMO; **O.V. Davydov**, retired Ambassador-at-Large, senior researcher at IMEMO; **E.A. Kanaev**, Dr. Sci. (Hist.), Prof. at National Research University Higher School of Economics; **A.N. Karneev**, Cand. Sci. (Hist.), Prof. at National Research University Higher School of Economics; **A.V. Kupriyanov**, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Group at IMEMO; **V.L. Larin**, RAS Academician, Deputy Chairman of the Presidium of FEB RAS; **A.V. Lomanov**, Dr. Sci. (Hist.), Professor of RAS, Deputy Director of IMEMO; **S.A. Lukonin**, Cand. Sci. (Econ.), Head of the Sector, IMEMO; **V.V. Mikheev**, RAS Academician, Member of the IMEMO Directorate; **V.V. Sumskiy**, Dr. Sci. (Hist.), Principle researcher at IMEMO; **M.A. Terskikh**, Cand. Sci. (Polit.), resercher at IMEMO; **V.G. Shvydko**, Cand. Sci. (Econ.), Head of the Group at IMEMO.

Keywords: Indo-Pacific region, “friendship”/“unfriendliness”, China, India, Japan, Republic of Korea, DPRK, ACEAN, Vietnam, Russia.

Отношение Индии, одной из крупнейших стран региона, к России в категориях “дружбы”/“недружбы” были проанализированы в выступлении **А.В. Куприянова**. По его словам, СВО поставила Индию в сложное положение. На протяжении последних полутора десятилетий Индия умудрялась искусно лавировать между Россией, США, Китаем и множеством средних и мелких игроков, поддерживая выгодный для нее внешнеполитический баланс: она укрепляла отношения с США, чтобы парировать растущее могущество КНР, но при этом сближалась с Россией, чтобы не попасть в слишком большую зависимость от США. Сейчас, после начала СВО, США и их союзники усилили нажим на Индию, пытаясь вынудить ее свернуть стратегическое партнерство с Россией. Индия не хочет этого делать по ряду причин – как в силу взгляда на будущее устройство мира, которое видится в Нью-Дели как многополярное, так и не желая толкать Россию в объятия КНР. Конфликт на Украине индийское руководство рассматривает исключительно через геополитическую призму, не видя там никакой идеологической составляющей и не ассоциируя себя с “демократическим миром”, который борется против “авторитарного российско-китайского союза”.

Индийские политические элиты в целом очень трезво подходят к ситуации в мире, в них существует консенсус в отношении необходимости продолжать сотрудничество с Россией. Есть проамерикански настроенный слой, который тем не менее не определяет политику на этом направлении, и отдельные политики, делающие антироссийские высказывания в связи со СВО (Шаши Тхарур, Рахул Ганди). При этом “дразнить гусей” индийские политические элиты тоже не хотят. В результате временно заморожены почти все крупные экономические инициа-

тивы по сотрудничеству с РФ, требующие правительственного одобрения (по всей видимости, до окончания активной фазы СВО).

Индийские бизнес-элиты и финансовые элиты, тесно интегрированные в западные экономические и финансовые цепочки, минимизировали сотрудничество с Россией, опасаясь вторичных санкций и репутационного ущерба. В этой связи возникли проблемы с платежами; над этими проблемами сейчас ведется работа с обеих сторон, находятся новые способы, позволяющие их обойти. Некоторые крупные бизнес-структуры, отношения с которыми были установлены уже давно, продолжают сотрудничество (к примеру, “Эссар”), также малый и средний бизнес активно осваивает российский рынок, зачастую через фирмы-прокладки и “серые” схемы.

Индийские военные элиты находятся в некотором недоумении насчет самих методов проведения СВО, отмечая заметную деградацию российской системы планирования, управления, снабжения по сравнению с советскими временами, и жалуются на недостаток информации, которую они вынуждены черпать из западных СМИ. Осознавая, что те упрощают картину, военные элиты тем не менее вынуждены ею пользоваться за неимением альтернативных источников. Никакой целенаправленной работы с российской стороны в этом направлении не ведется, и напрасно: Индия – один из крупнейших покупателей российского оружия, и в отсутствие информации она будет действовать максимально осторожно, предпочитая снижать закупки и искать альтернативы.

Индийское общество в целом мало интегрируется конфликтом, который не затрагивает непосредственно его экономические и внутриполитические интересы, за исключением образованного городского среднего класса. Он

черпает информацию из англоязычной прессы и, соответственно, формирует картину происходящего под влиянием западных СМИ. И этот класс, и выражающее его интересы экспертное сообщество настроены в определенной части умеренно негативно в отношении действий России. Но в целом этот вопрос не является для них значимым, и давления со стороны этого класса правительство не испытывает.

Индия пользуется сиюминутными преимуществами, которые дает ей конфликт (в частности, поставками российской нефти с огромной скидкой, удобений и т. п.), но в долгосрочной перспективе заинтересована в его урегулировании и снятии политического напряжения в отношениях между Россией и Западом. Санкций со стороны Индии ждать не следует – Нью-Дели, помимо нежелания портить отношения с Москвой, является также принципиальным противником не одобренных ООН санкций.

А.В. Куприянов также вкратце остановился и на отношениях к России других стран Южной Азии. По его оценкам, Пакистан после падения правительства Имран Хана дистанцировался от дальнейшего развития отношений с Москвой, хотя и не планирует вводить санкции. Существует запрос на развитие отношений с Россией в Шри-Ланке и Бангладеш, переживающих экономический кризис разной степени тяжести и желающих закупать российскую нефть с той же скидкой, что и Индия.

К.Р. Вода проанализировала изменения в политике Японии в отношении России. По ее определению, после начала СВО Япония перешла к отношениям “недружбы” с Россией “с головой”, ознаменовав этот переход введением широкомасштабных антироссийских санкций. В отличие от украинского кризиса 2014 г., в 2022 г. японское руководство заняло жесткую позицию в отношении Москвы, полностью следуя антироссийскому курсу, принятому США и другими странами Запада. Санкции затронули финансовую, торгово-экономическую, энергетическую, политическую и гуманитарную сферы российско-японского взаимодействия.

В *финансовой сфере* японские санкции включали: заморозку активов Центрального банка России в иенах, ограничения на операции с ЦБ РФ, запрет на выпуск правительством РФ новых суверенных облигаций и их обращение в Японии, заморозку активов 11 российских банков и их дочерних предприятий, поддержку отклю-

чения попавших под санкции банков от системы *SWIFT*, поддержку отказа финансирования России со стороны ведущих международных финансовых организаций.

В *области энергетики* Токио принял решение постепенно прекратить импорт российского угля, нефти, ограничил экспорт в Россию оборудования для нефтепереработки. Однако Токио не стал вводить ограничения на импорт российского СПГ, а также сохранил участие в проекте “Сахалин-2”, где компаниям *Mitsubishi* и *Mitsui* принадлежит 10 и 12.5% акций соответственно.

В *торгово-экономической сфере* японское правительство ввело запрет на новые инвестиции в Россию; лишило РФ статуса наибольшего благоприятствования, в результате чего были повышены пошлины на импорт древесины, лосося, икры и краба; ввело запрет на импорт из России машинного оборудования, некоторых видов древесины, алкоголя и др.; запретило экспорт предметов роскоши; ввело экспортные санкции в отношении 300 российских организаций, а также ограничило экспорт более 300 наименований продукции. Кроме того, был введен запрет на предоставление японскими компаниями услуг по бухгалтерскому учету, аудиту, консалтингу и трастовых услуг на территории России.

В *политической и гуманитарной сфере* Япония ввела персональные санкции, включающие приостановку выдачи виз и заморозку активов, в отношении более 560 российских граждан и официальных лиц, в том числе руководителей России и многих высокопоставленных чиновников и членов их семей.

Одной из важнейших причин жесткой реакции Японии **К.Р. Вода** назвала резкую негативную реакцию ключевых международных партнеров Японии – США, стран ЕС и ряда стран ИТР, осудивших действия России. При этом Токио не выступал инициатором новых санкций, однако и не проявлял интереса отступить от решений, принятых США и другими партнерами. Это заметно отличается от ситуации 2014 г., когда вопреки позиции США и ряда стран G7 премьер-министр С. Абэ пошел на развитие диалога с российским президентом В. Путиным. Другой причиной введения жестких санкций против РФ со стороны Токио стал более значительный масштаб военных действий в 2022 г. по сравнению с 2014 г., сопровождающийся более существенными разрушениями и гибелью людей в результате военных действий на территории Украины.

Санкции против России в правящих кругах Японии также рассматривали как сигнал Китаю о том, что попытки изменить статус-кво при помощи силы вокруг Тайваня и в Восточно-Китайском море вызовут резкий отпор Токио. По словам бывшего премьер-министра С. Абэ, “то, что произошло с Украиной, может произойти с Тайванем. Для того чтобы не допустить возникновения такой ситуации, международное сообщество должно объединиться и выступить против России, а также наложить на нее жесткие санкции”. Для правительства Ф. Кисида санкции стали способом проявить солидарность со странами Запада в целях укрепления своих внутривластных позиций, а также позиций Японии в качестве одного из западных лидеров.

Определенную роль во введении санкций сыграл и провал российско-японского сближения в 2013–2020 гг., инициированного С. Абэ. Несмотря на предпринятые японской стороной усилия по развитию экономического сотрудничества с Россией, Москва не пошла на уступки по территориальному вопросу. Следует иметь в виду, что одним из побудительных мотивов по сближению с Москвой для С. Абэ стала попытка не допустить объединения России и Китая на антияпонской основе. Однако российско-китайские отношения, в особенности в военно-политической сфере, за последние восемь лет укрепились. Важный фактор к японо-российскому сближению, таким образом, исчез. И наконец, определенную роль в решении правительства о введении санкций сыграло сохранение в Японии, по крайней мере в качестве социально одобряемой поведенческой нормы, пацифизма и неприятия военных действий, основанной на собственном негативном опыте ведения войны, сопровождавшейся многочисленными жертвами и разрушениями.

Введенные Японией антироссийские санкции встретили жесткую реакцию Москвы. 5 марта 2022 г. распоряжением российского правительства Япония была включена в перечень недружественных стран наряду с еще 47 государствами, представляющими главным образом западное сообщество.

21 марта 2022 г. российский МИД объявил о прекращении переговоров с Японией по мирному договору. Кроме того, российская сторона прекратила безвизовые поездки японских граждан на Южные Курилы, а также остановила диалог о налаживании совместной хозяйственной

деятельности на островах. 5 сентября 2022 г. Россия вышла из российско-японских соглашений 1991 и 1999 г. об облегчении посещения южных Курильских островов японскими гражданами – бывшими жителями этих островов.

Кроме того, Россия ввела запрет на въезд в страну 63 гражданам Японии, включая премьер-министра Ф. Кисида, министра иностранных дел Ё. Хаяси, министра обороны Н. Киси, генерального секретаря кабинета министров Х. Мацуно, ряда депутатов парламента, журналистов, профессоров университетов. Затем российское правительство ввело аналогичные меры против 384 депутатов нижней палаты японского парламента, которые, по заявлению МИД РФ, “заняли недружественную антироссийскую позицию”.

К.Р. Вода высказала предположение, что, поскольку Япония наряду с другими западными странами на официальном уровне поставила задачу “изолировать Россию от международной финансовой системы и мировой экономики”, введенные Токио санкции, вероятно, сохранятся в финансовой, торгово-экономической, военной и научно-технической сферах. Ожидается значительное снижение торгово-экономической и инвестиционной активности японских компаний в России в последующие несколько лет. При этом наибольший ущерб двусторонним отношениям будет нанесен в случае выхода Японии из энергетических проектов в России.

В политической сфере на длительное время останутся замороженными контакты между военными ведомствами двух стран. В то же время существует вероятность ограниченного возобновления российско-японского диалога в области безопасности на региональных площадках в Индо-Тихоокеанском регионе, где стороны имеют общие интересы, включая противодействие терроризму, трансграничной преступности, наркотрафику.

Возобновление диалога по мирному договору возможно в случае снижения конфронтации между сторонами на политическом и дипломатическом уровне, утверждения более реалистичных подходов в позициях сторон в отношении целей и результатов будущих переговоров. Это в текущих условиях, к сожалению, представляется маловероятным. Новые переговоры Москвы и Токио будут проходить в изменившейся международной обстановке, роль и место России в ко-

торой будет определяться по итогам нынешнего украинского кризиса.

Более пессимистическую оценку состоянию и перспективам российско-японских отношений сформулировал **В.Л. Ларин**. По его мнению, хроническая недружественность Японии к России возвращается в этой стране на протяжении двух столетий, начиная с противоречий вокруг Сахалина и Курильских островов. Проблема Южно-Курильских островов и судьба японских военнопленных – историческая основа для пестования антироссийских настроений в Японии, которые стали частью японской политической культуры и лежат в основе перманентной недружественности японцев к России (опросы общественного мнения). Росту таких настроений в течение последних 100 лет активно способствовали также Великобритания, а позже США.

На анализе отношений двух корейских государств к России в современных условиях остановился **О.В. Давыдов**. По его оценке, отношения России с *КНДР* можно охарактеризовать следующим образом: номинальная дружба, не имеющая весомого содержательного наполнения, в основе которой нет общих значимых интересов и перспективы которой носят неопределенный, неясный характер.

Формально поддерживая Россию по ряду международных вопросов, северокорейцы, исходя из своих текущих интересов на полуострове, тем самым пытаются добиться благожелательной позиции Москвы по некоторым важным для них проблемам. Например, 4 октября 2022 г. Пхеньян осуществил опасный пуск баллистической ракеты средней дальности и в тот же день официально заявил о признании факта включения четырех известных регионов, где прошли референдумы, в состав РФ. Это можно расценить как акт политического манипулирования с целью заблокировать возможность осуждения с российской стороны агрессивных действий *КНДР*, не допустить поддержки Россией новых санкционных резолюций в отношении Пхеньяна по линии СБ ООН.

Специфическая позиция *КНДР* по Украине диктуется не столько реальным проявлением дружественных чувств и симпатий к России, сколько стремлением Пхеньяна использовать любые знаковые международные события, чтобы оставаться в центре внимания, продемонстрировать свою значимость как крупного игрока, способного на что-то влиять. Этот меседж,

в частности, адресован Вашингтону, в отношениях с которым Пхеньян продолжает вести сложную игру.

Главным для России остается то, что формальная дружба с *КНДР* лишена общей ценностной составляющей, а ее база предельно узка и персонифицирована. Причина в том, что в *КНДР* эта дружба, по сути, замыкается на одно лицо, то есть на северокорейского руководителя, и определяется его текущими настроениями, капризами и политическими комбинациями. Это, в свою очередь, становится потенциальным источником хрупкости, нестабильности отношений России с *КНДР*, вернее, с руководством этой страны.

Что же касается *Республики Корея (РК)*, то до недавнего времени она была уникальным образцом отношений России со страной, которая являлась, с одной стороны, стойким и верным союзником США в ИТР, а с другой – последовательным сторонником развития отношений с РФ, нашим важным стратегическим партнером. Переход в разряд “недружественных” стран после присоединения к антироссийским санкциям для РК был связан со значительными потерями, в том числе и стратегического порядка.

Причина этого – в размывании всей базовой и надпартийной внешнеполитической доктрины Южной Кореи, утвердившейся еще с конца 1990-х годов, которая основывается на необходимости поддержания приоритетных сбалансированных отношений с четверкой держав: США, Китаем, Японией и Россией. Выпадение “российского звена” нарушает устойчивость всей этой конструкции и ведет к усилению зависимости страны от Китая и Японии, отношения с которыми осложнены многими проблемами и спорными вопросами.

Следует отметить и то, что за тридцать с лишним лет дипотношений с Россией в Южной Корее сложилась прослойка граждан, общественных кругов, НПО, бизнес-элит, научных структур, культурного сообщества, которые ориентированы на связи с Россией. РК открыта к восприятию российских культурных ценностей. Российская культура всегда воспринималась как политически нейтральная, ненавязчивая, неагрессивная и эстетически притягательная.

Поэтому откат от достигнутого уровня сотрудничества южнокорейцам тоже дается нелегко. В политике Южной Кореи проявляется

стремление избежать обрушения всего и вся и попытаться хоть что-то сохранить “в запасниках” от обвала, включая политические контакты, диалог по проблемам Корейского полуострова, существующие наработки в экономических связях. Все это “ставится на паузу”, но не “сдается в утиль”. Расчет делается на то, чтобы, когда и если международная конъюнктура изменится, затратить минимум усилий для скорейшего восстановления полезных связей.

Судя по всему, Южная Корея будет стремиться “оставаться самой дружественной из недружественных стран”, естественно, с учетом дальнейшей динамики событий. Другая особенность в позиции южнокорейской стороны – это намерение перевести взаимодействие на “вторую дорожку”, то есть расчет делается на активизацию связей с учеными, общественностью в случае, если в контактах по официальной линии трудности будут сохраняться.

Таким образом, на фоне украинского кризиса в политике РК по отношению к России будут сочетаться элементы дружественного и недружественного подходов. При этом в стратегическом плане и в долгосрочной перспективе Сеул сохранит заинтересованность во взаимодействии и сотрудничестве с Россией как одной из важных опор международного курса страны в ИТР.

Особенности отношения стран Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) к России рассмотрел **В.В. Сумский**. По его словам, в АСЕАН по категориям “дружественность”/“недружественность” выделяются три группы стран. Первая из них представлена Сингапуром. Его “недружественность” проявляется прежде всего в военной сфере, она связана с удаленностью от российских интересов в сфере безопасности и обусловлена слабым экономическим взаимодействием двух стран. Во второй группе находится Мьянма. Для нее характерна имитационная дружественность в расчете на разные виды помощи от России – от финансово-экономической до военной. В третью группу входят все остальные страны АСЕАН – дружественные по расчету – в зависимости от того, какую экономическую выгоду они готовы получить от сотрудничества с Россией.

Тематику АСЕАН продолжил **Е.А. Канаев**. По его словам, применительно к политике этой ассоциации индо-тихоокеанскую повестку сотрудничества в категориях “дружба”/“недружба” целесообразно рассматривать в контексте конкретных

проявлений ее политики. Из таковых заслуживают внимания планы ассоциации по цифровому обеспечению своего основного перспективного проекта – формирования сообщества АСЕАН, в том числе Экономического Сообщества, то есть превращения Юго-Восточной Азии в единое пространство ведения производственной и коммерческой деятельности, привлекательного как для компаний стран, входящих в ассоциацию, так и для транснационального бизнеса.

АСЕАН обратилась к теме цифровизации в начале 2000-х годов, однако ее страны-участницы столкнулись с отсутствием трех базовых составляющих успеха на этом направлении: трансграничной ИКТ-инфраструктуры, собственного программного обеспечения и необходимых компетенций. И хотя за последующие два десятилетия “асеановцы” не достигли заметных успехов в устранении этих пробелов, интерес АСЕАН к цифровизации естественным образом возрос после начала пандемии *COVID-19*. Ассоциация приняла ряд программных документов: Генеральный план АСЕАН по развитию цифрового сотрудничества до 2025 г., Рабочий план по внедрению в практику Соглашения АСЕАН об электронной коммерции (само Соглашение было подписано в 2019 г.) и иные. Однако реализация этих планов в 2022 г. столкнулась с серьезными препятствиями. Дело в том, что заключенное в мае 2022 г. Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС) противоречит планам АСЕАН по формированию Экономического сообщества. Во-первых, в ИТЭРС не участвуют три страны АСЕАН – Лаос, Камбоджа и Мьянма. Во-вторых, поскольку ИТЭРС не предоставляет своим участникам преференций в доступе на рынки друг друга, цифровое сопровождение этой инициативы лишено прочного фундамента в виде глобальных цепочек стоимости (ГЦС). Нет у АСЕАН оснований считать, что участники ИТЭРС будут вкладываться в строительство дорогостоящих трансграничных инфраструктурных объектов на пространстве ЮВА. В-третьих, нет ясности, как ИТЭРС намерено координировать свою деятельность, частью которой является цифровая повестка, с основным перспективным многосторонним экономическим проектом АСЕАН на азиатско-тихоокеанском пространстве – инициативой Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), куда входит КНР. Применительно к ВРЭП уместно отметить: ее участники намерены развивать цифровую повестку сотрудничества, а Китай – увя-

зять ее с собственными перспективными планами, в частности с реализацией “Цифрового Шелкового пути”.

Что касается влияния ИТЭРС на присоединившиеся к нему страны АСЕАН, то заслуживают внимания такие его положения, как “инклюзивность” и “ответственное развитие”, а также нацеленность на определение стандартов цифрового сотрудничества. Возникающий в этой связи вопрос относится к локализации данных. В этом контексте страны АСЕАН можно разделить на три группы. В первую входят Индонезия и Вьетнам. Их позиция такова, что данные, созданные в пределах каких-либо юридических и территориальных границ, должны храниться внутри них. Вторая группа представлена Сингапуром и Малайзией. Эти страны допускают, хотя и при множестве оговорок, трансграничное перемещение больших объемов данных. Третья группа, куда входят остальные государства АСЕАН, не определила свою позицию. Соответственно, серьезные наработки, в том числе правовые и институциональные, там отсутствуют.

Вряд ли можно ожидать, что участие в ИТЭРС вызовет серьезную заинтересованность стран АСЕАН и ассоциации как единого целого, тем более что Китай дает ассоциации прекрасные возможности сотрудничества. КНР инвестирует в трансграничную инфраструктуру на пространстве ЮВА, обеспечивает цифровое оснащение этих объектов, поощряет расчеты в цифровых юанях через китайские площадки электронной торговли. Немаловажно и то, что КНР реализует цифровые инициативы с АСЕАН именно как с единым целым. В числе наиболее заметных проектов – Форум электронной коммерции Китай–АСЕАН, Информационная гавань промышленного сотрудничества Китай–АСЕАН в формате “Цифрового Шелкового пути” и иные. Несмотря на то что в перспективе развитие цифрового сотрудничества тоже может привести к зависимости государств АСЕАН от Китая (хотя бы потому, что китайские ИКТ-специалисты уже сейчас имеют рычаги контроля над инфраструктурой многих государств ЮВА), тем не менее китайские ресурсы отвечают нацеленности АСЕАН на повышение их конкурентоспособности. Следовательно, они будут оставаться востребованными.

В таком контексте восприятие ассоциацией и входящими в нее странами России сквозь призму категорий “дружба”/“недружба” будет

определяться тем, в какой мере Москва способна откликнуться на запрос государств ЮВА на повышение их конкурентоспособности, в том числе в цифровой сфере. Россия не развивает в ЮВА собственные ГЦС, российские площадки электронной торговли не могут составить конкуренцию тем же китайским, а “точечные” проекты, например обслуживание российских банковских карт в государствах азиатского юго-востока, могут быть приостановлены из-за опасений вторичных санкций. Соответственно, интерес государств ЮВА могут вызвать мероприятия по повышению цифровых компетенций и укреплению кибербезопасности, организованные профильными российскими ведомствами. Однако в условиях усиливающегося давления на Россию реализация даже таких направлений сотрудничества, безусловно, нужных странам АСЕАН будет носить скорее разовый, чем системный характер.

Позицию Вьетнама, страны, отношения с которой у России имеют давнюю традицию сотрудничества, в своем выступлении рассмотрел **М.А. Терских**. С его точки зрения, если пытаться определить место Вьетнама по шкале “дружба”/“недружба” в контексте отношений с Россией, то, казалось бы, ответ должен быть очевиден – “крепкая дружба”. Ведь Ханой не присоединился к санкционной антироссийской кампании, да и в ходе голосований в Генеральной Ассамблее ООН по вопросам, связанным с Украиной, воздерживался от осуждения действий Москвы.

Однако, если посмотреть на развитие двусторонних отношений после начала СВО, то возникнут справедливые сомнения в правильности такой оценки. Так, в настоящее время прямое авиационное сообщение между странами не поддерживается (ранее “Аэрофлот” и “Вьетнамские авиалинии” осуществляли по несколько рейсов в день), возможности использования платежной системы “МИР” во Вьетнаме сведены к минимуму. Ханой опасается попасть под вторичные санкции. Это неизбежно приведет к снижению товарооборота с США по итогам года (7.1 млрд долл. в 2021 г. – лидирующая позиция среди стран АСЕАН).

В то же время из совместных проектов на территории России Вьетнам не выходил, да и российские компании из своих проектов не выводил.

Объяснение сложившейся в двусторонних отношениях ситуации состоит в том, что сохраня-

ющиеся проекты (нефтегазовый сектор, военнотехническое сотрудничество, атомная энергетика) имеют стратегическое значение для Вьетнама, а свернутые стратегическими не являются.

Во Вьетнаме отношение к России по-прежнему максимально благоприятное — как в обществе, так и в органах власти. Однако на практические связи это влияет слабо. Западом Вьетнаму обещано новое экономическое чудо (за счет переноса из Китая производственных и других мощностей), и с этим сложно что-либо поделать.

На прошедшем в январе—феврале 2021 г. XIII Съезде КПВ реальная власть во многом осталась у старшего поколения партийных руководителей, что является плюсом для России. Однако возможности “позитивного фундамента” прошлых лет неминуемо сужаются. В перспективе динамика скорее негативная. Де-факто отношения с Россией не находятся среди первой пятерки внешнеполитических приоритетов Вьетнама. По сравнению с другими крупными азиатскими державами Россия может не так уж и много предложить Вьетнаму. Таким образом, его отношения с Россией можно было бы охарактеризовать как “осторожную дружественность, слабо конвертируемую в практические связи, с умеренной негативной тенденцией”.

Краткие итоги круглого стола подвел **В.В. Михеев**. Он отметил, что появление во внешнеполитическом лексиконе новых понятий “дружественная” и “недружественная” страна по-разному воспринимается в экспертном и аналитическом сообществе и требует уточнений и корректировки нашего восприятия ИТР. Однако, что касается России, то понятия “дружественность” и “недружественность” рассматриваются преимущественно по фактору санкций: вводит их страна против России или нет, боится ли она вторичных санкций или нет. В результате обсуждения этой проблемы выявились следующие понимания ситуации в ИТР.

Китай — наиболее дружественная в отношении России страна ИТР. Причем здесь отчетливо просматриваются пропагандистски-идеологические основы “стратегической дружественности”. Но существуют и ограничения: это теоретически мыслимые, но пока практически отсутствующие бонусы от США за снижение уровня дружественности в отношении России. К этому также надо добавить риски вторичных санкций для крупных китайских корпораций и банков.

Тайвань — стратегически недружественная к России территория. Есть идеологическая и политическая основа этой “недружественности”: Россия, как и Китай, воспринимается Тайбэем как авторитарная страна, а тайваньская демократия вместе с американской борется против авторитаризма. Ограничителем “недружественности” являются интересы тайваньского бизнеса в России.

Индия — это последовательно, но умеренно и осторожно дружественная страна в рамках балансирования между Россией и США.

Япония — недружественная страна с негативным прогнозом развития двусторонних отношений. Но особенность японской “недружественности” в том, что она носит секторальный характер с учетом напряженных отношений Японии с Китаем и Южной Кореей. Связи с Россией сокращаются, но они не исчезнут полностью.

Южная Корея — недружественная страна, находящаяся под сильным американским давлением. Она стремится к статусу самой дружественной из недружественных. В ее политике присутствует стратегическое ограничение “недружественности”: отношения с Россией рассматриваются в Сеуле как одна из четырех опор внешней политики Республики Корея (наряду с США, Китаем и Японией), и их крушение — вне стратегических интересов РК.

Материал подготовил

А. РЯБОВ (andreyr@imemo.ru)